

СКВОЗЬ ГОДЫ

ГИМН ПЕРВОГО ТЕАТРА

МЫ ДОЛЖНЫ были встретиться с ним еще в прошлом году. Мне рассказывали о нем в захлеб и восторженно. Хотелось непременно и поскорее встретиться с ним. Но случилось так, что я не сразу смогла найти его. Целый год подспудно думала о предстоящей встрече. Это было как «НЗ». То, о чем нужно рассказать. То, о чем расскажешь, когда настанет удобное время.

И время настало.

Гаджи Ага Аббасов, народный артист республики, когда я назвала себя, весело прокричал в трубку:

— Ну что же ты, дочка, где пропала? Приходи скорей, поговорим....

Он сказал это так, будто знал меня. Знал и долго ждал, чтобы рассказать все о себе. О жизни. О жизни долгой и сложной. Трудной и, наконец, прекрасной.

Еще в дверях я заметила — Гаджи Ага-музалим в своей комнате не один. И расстроилась: помешают поговорить. Однако, все получилось наоборот.

— Заходи, заходи, дочка! У меня сегодня гость. Ты знаешь его?

Ну, конечно, я сразу узнала, как только вошла в комнату — Ага Гусейн Джавадов, народный артист республики.

— Тебе ведь интересно? Мы с ним вместе Сатирагит открывали.

— Да, да, — закивал Ага Гусейн-музалим. И они заговорили. Разум. Перебивая друг друга. Без моих вопросов. Ушли в воспоминания. Временами казалось, они забыли о целом свете. Обращались друг к другу. Фразы обрывались на полувинте. Они понимали и так. Одно слово рождало в памяти полузабытые события и эпизоды ушедших дней. Картины и образы далекой молодости, затуманенные временем, теснили друг друга. И трудно мне было доспеть за ними.

Да, они открывали Сатирагиттеатр. Они и раньше, молодые актеры, разъезжали по селам республики с агитпоездами, устраивали митинги-концерты. Словом, искусством раскрывали людям суть нового строя. Они были молоды, талантливы, энергичны.

Для Сатирагиттеатра выделили помещения бывшего иллюзиона «Феномен» на Приморском бульваре. По крошечному фойе гулял ветер, гоня мусор. Театрик имел жалкий вид. Такими приняли его директор Аббасов, председатель приемной комиссии Джавадов, айтирпренер Полонский. Они скоро привели его в порядок. Невероятно скоро. Не терпелось открыть театр. Украсили фойе и зал плакатами, лозунгами, фресками, выполненными Азимом Азимзаде. Это не было украшением-предисловием к спектаклям. Так начинался Сатирагиттеатр.

О спектаклях Сатирагита говорили все, с восторгом и ненавистью. И было за что любить и ненавидеть его. На каждое событие в городе откликался театр доброй шуткой или едкой сатирой. Особенно доставалось ханжам, фанатикам, шейхам и муллам.

Тогда на сцене театра ставились произведения блестящих драматургов и писателей — Сулеймана Сани, Дж. Мамедкулизаде, Абдулла Шаига, М. С. Орлубады, А. Ахвердиева. Да и актеры сами — Г. А. Аббасов и М. А. Алиев — пробовали силу пера. Сочные частушки и куплеты А. А. Вахида распевавший город. Слово разило. Смех убивал наповал. Актеров закидывали камнями. Угрожали. Преследовали.

Раз пронесся слух, что в новой постановке высмеивают самого шейха. Гочи-фанатики предупредили: они первые посмотрят спектакль. И если что не так — пусть артисты пеняют на себя. Сообщать в органы было поздно. Да и неавторитетно. Срывать премьеру не хотелось. И они решились...

Долго в тот вечер не начинался спектакль. Толпа теснилась у входа, напряженно ждали конца «просмотра». И чудо — из зала то и дело доносился дружный смех. Смеялись даже гочи. Смеялись искренне, от души, забыв о своем намерении проучить «этих князидрбазов»...

Я слушала их, волнуясь и грустя. И немного завидуя. Завидуя их запалу и восторженности. Молодости, которую они пережили.

— А как мы ходили на парад. Впереди — знамена, 16 знамен! Из шелка. И мы все — по 8 человек в ряд! — Ага Гусейн-музалим подскочил на стуле. Высокий, и сейчас очень статный, он гордо вскинул голову и шагнул по комнате, широко размахивая руками и чеканя шаг.

— Мы маршировали и пели. Пели гимны! — И оны, неожиданно для меня, запели. Запели гимн, который в свое время был символом новой жизни, нового искусства. Он волновал и будоражил массы, мысль. Его забыли, списали в архив времени. А они вот помнят. Помнят и хранят в сердцах.

ДВА ДНЯ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

НАША первая встреча на том и закончилась. Но вскоре я пришла опять. Было еще многое, о чем мог рассказать Гаджи Ага-музалим. Например, о встречах со Львом Николаевичем Толстым.

...Да, это правда. Вот передо мной сидит человек, который знал Толстого. Это удивительно. Кажется невероятным. Но тем не менее...

А произошло все очень просто. Учитель пригородной школы Муталим Аббасов отдал своего мальчика, уже овладевшего азами арабской и фарсидской грамоты, на воспитание в семью начальника городского почтового управления А. Д. Синельникова. Муталим-музалим хотел, чтобы сын его в совершенстве овладел русским языком. Александр Давидович и его жена научили Гаджи Агу не только языку. Они научили его любить и понимать русскую литературу: Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова. И больше всех — Толстого. Эта любовь сохранилась до сих пор. Со временем она становилась глубже и осмысленней. Позже он удивлялся: как только мог осмелиться, взялся за перевод самого Толстого! Но так хотелось донести его мудрость до азербайджанского читателя.

Когда перевод рассказа «Бог правду видит, да не скоро скажет» появился на страницах журнала «Дебистан» («Школа»), Гаджи Ага от радости не находил себе места. Радовался, что перевел, но еще больше, что его работу поняли и оценили. Захотелось непременно сообщить об этом Льву Николаевичу. Так в Ясную Поляну был послан перевод рассказа, отпечатанный на шелку. И к нему приписка — просьба о разрешении посетить его в Ясной Поляне. Они поехали вдвоем: Гаджи Ага и учитель из Дагестана Али Касимов. Это было в апреле 1907 года.

Два дня пробыли они в Ясной Поляне. Два дня, но они запечатлелись на всю жизнь. Воздух, насыщенный ароматом цветов, прозрачный ясный день, Толстой в белой простой рубашке — таким он запомнился навсегда. Он представлялся большим и великим, а оказался до изумления простым. Очень простой мудрый человек. Их приняли радушно и без церемонии, как в доме, где рады и привыкли к гостям. Угловая комната, где их разместили, выходила светлыми окнами в сад. Весна была в цвету. Как же рассказать об этом в словах. В памяти сохранилось общее — чувство радости. Поющая радость. Приветливость Софьи Андреевны, разливающей чай на тенистой веранде. секретарь писателя Чертков, любезный и озабоченный. Долгая беседа с Толстым. Картины всплывают в памяти и гаснут, вызывая новые ассоциации. Шестьдесят лет — большой срок. И все-таки все вспоминается живо и ясно.

Толстой их о многом расспрашивал. Отвечать было легко и радостно. Он слушал внимательно, подперев рукой щеку, ободряя взглядом и легким покашливанием. Хафиз, Низами, Саади, Чехов — разговоры не были концами. Тол-

го интересовало все — их знание литературы Востока, проблемы просвещения, азербайджанское искусство. Он говорил, что давно интересуется Востоком — родиной поэтов и мудрецов, что очень хотел бы посетить Баку, рад, что русских литераторов у них дома любят и знают...

В дороге они заботливо прижимали к себе саквояжи — в них хранилась самая большая для них ценность в мире — тома «Войны и мира» — подарок Льва Николаевича. На титульном листе рукой великого писателя была выведена дарственная надпись. И внизу летящим почерком: «Лев Толстой, апрель 1907 года».

ГОДЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

АСКОЛЬКО их было, встреч, за всю жизнь? Люди, события, годы. Как все запомнить, удержать в памяти? Но, оказывается, можно. Там, где пасует память, приходит на помощь сердце. Оно хранит в себе тепло и горечь прожитых дней. Чаше радость. Реже боль. И в нужную минуту бьется сильнее, из хаоса воспоминаний всплывает одно, то, которое сейчас согреет и поможет. Так вспоминается Сабир...

Тогда они все работали. Как кто устроился. Гусейн Араблинский — репортером, Гусейн Сарабский — водопроводчиком, он, Гаджи-ага — учителем в балаханской школе. Иначе нельзя было. Разве иначе проживешь? Лишь вечерами да в свободные дни собирались члены любительской труппы — ставить спектакли. А в будни — жили ожиданием премьер. По ночам снилась сцена. И притихший зал. Гаджи-Аге было легче. Он был учителем. Русский язык, арифметика. Как радостно было видеть живую мысль в детских глазах и сознавать, что это ты пробудил ее. А рядом был человек, одно присутствие которого вселяло радость и надежду. Это был Сабир.

Ох, как не любили его в Балаханах эти сытые, пухлые мужики! Ненавистью вспыхивали ушки запылавшие глаза при виде Сабирова. Но кто смел открыть ему свою ненависть? Как елейно расплывались лица! Угодливо набухали спины в поклоне, а он проходил неторопливо, степенно, чуть усмехаясь в усы. Позже поэт — они жили в одной комнате — все так же усмехаясь, протягивал Гаджи Аге листок с новым фельетоном. А за это приходилось расплачиваться.

Раз пригласили Сабирова на обед. Не хотел идти. Долго уговаривали. Не пойти — обидно навеки. Соседский паренек догнал его у самых дверей: «Не ходи, Мирза, не ходи. Отравить тебя хотят».

Но таких лютых и ненавидящих было немного, чаще разносилось почтительное: «Салам алейкум, Мирза!» Ласковый взгляд, доброе пожатие рук.

По четвергам Гаджи Ага уезжал в Баку, домой. Он привозил с собой из города последние новости. Раз приехал и рассказал о миллионере Дадашеве. О нем ходили анекдоты. Владелец десятка судов, богатый нефтепромышленник, он ходил в заплатанной одежде, сидел на сухом хлебе и воде. Сабир, очень довольный, улыбнулся: «Вот они, богачи!».

А потом появились стихи. Очень скоро их распевали на улицах и в чайханах Баку. И так всегда. То, что сегодня рождалось на бумаге, завтра принадлежало народу. Он подхватывал стихи и эпиграммы любимого поэта и передавал их из уст в уста. Этому способствовали и друзья-актеры. Громко, смело бросали они в зал едкую сатиру Сабирова. Что цензура, предурждения, штрафы! Их талант, их смелость всегда были надежной защитой поэта. И всегда их оружием было Слово. Горячее. Разящее. Сильное.

Тогда и актерам приходилось туго. Ну кому было дело до того, как и чем живет национальное искусство. Театр? Актер? Им бросали вслед презрительное «княндирбаз», канатоходец, паяц. А они обличали — сыпались анонимки, открытые угрозы. И все-таки народ шел на спектакли любительского театрального общества, хотя попасть на них было не так-то легко. На любительской арене играли блестящие актеры — Гусейн Араблинский, Сидхи Рухулла, Махмуд Кязимовский, Гусейн Сарабский, Алиабас Рзаев и много других верных соратников и друзей Гаджи Ага Аббасова. Каждый из них — событие. О каждом хочется рассказать. Поведать всем об их большой судьбе. Об их большом таланте. Многие из них гибли в расцвете сил. В расцвете таланта. Так погиб и Гусейн Араблинский.

— Мы с ним работали долго. Он был прекрасный актер. Прекрасный режиссер. Гусейн первым поставил оперу «Лейли и Меджун». Не могу рассказывать о нем кратко. Это целая повесть. Он погиб в тридцать восемь. Но все равно успел много сделать для азербайджанского искусства. Как ненавидели его эти глупые жирные ханжи. Как боялись его таланта. Он погиб от выстрела племянника — фанатика. Будто черная ночь опустилась на город. На сердце было тяжело. Хотелось головой зарыться в землю. Мы, уже взрослые мужчины, плакали и не стеснялись своих слез. Плакали люди, собравшиеся проводить его в последний путь, — рабочие Балаханов, Биби-Эйбата, Сабунчей, Раманов, со всего Баку. Мы, его друзья и соратники, несли его гроб по запруженным улицам умолкнувшего города. По дороге на кладбище несколько раз останавливались — вспыхивали митинги. Прощальные речи прерывались слезами. Говорили Узейр Гаджибеков, Гусейн Сарабский, рабочие.

Это было всеобщее горе. Не было заукопной молитвы. Со стихами Алиабаса Музнуба прощался народ со своим сыном. И ни одного муллы. Настроение было такое, что, поймав хоть один из них, разорвали бы на части...

Абдулхалика, убицу, арестовали. Вынуждены были арестовать. А через два месяца дело замяли. Его выпустили на волю. Нашему возмущению не было предела. Как раз в это время, в марте восемнадцатого, власть перешла в руки Советов. Тогда я написал письмо правительству от имени всех азербайджанских актеров с просьбой иайти и наказать убицу.

Но все разрешилось само собой. Случайно, на улицах Гянджи, где скрывался убица, его опознали. Разъяренный народ забил его до смерти.

ГАДЖИ Ага-музалим умолкает. Пора ставить точку. Но вель так о многом недосказано, недоговорено.

Большая сложная судьба со взлетами и падениями. С успехами и неудачами. С дичью, полными друзей и горького одиночества. Как уложить все это в слова, в газетные строки?

Мне не хочется прощаться с ним. Не хочется ставить точку. Но утешаюсь одним: будет новая встреча — с ним, со всеми героями его книги, которая очень скоро выйдет в свет. «Об увиденном, об услышанном» — так называется она. Он может продолжить ее. Книгу жизни. Каждой своей минутой, каждым днем. Еще не перевернута ее последняя страница.

Тунзале КАСУМОВА.

Хан Шушинский, Гаджи Ага Аббасов, Али Ага Вахид — певец, актер и поэт. Их связывало многое — молодость, искусство, вся жизнь. Они часто встречались, чтобы поговорить о прошлом и настоящем, вспомнить друзей. Во время одной из встреч и появилась старая дружба намере фотографа. Это было в 1964 году.